

MEMORIA

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ЯКУНЦЕВОЙ (1950–2011)

20 ноября 2011 года после тяжелой болезни умерла Татьяна Николаевна Якунцева, доцент кафедры фольклора и древней литературы. Ушла из жизни красивая, совсем недавно полная сил и творческих планов женщина, преданная жена, заботливая мать, отличный товарищ, на которого всегда можно было положиться. Осиротели не только семья, кафедра, факультет, без талантливого преподавателя и эрудированного руководителя остались студенты, а соискатели ученой степени лишились внимательного рецензента.

Смерть нанесла невосполнимый урон и филологической науке. Татьяна Николаевна умерла в зените своей научной карьеры. «Окрыленная романсом» — так называли ее коллеги. Действительно, начиная со студенческой скамьи и всю свою творческую жизнь этот талантливый ученый посвятил казалось бы еще совсем недавно гонимому жанру. Много лет занимаясь полевой фольклористикой, изъездив вдоль и поперек уральский регион, исследовательница не только воочию убедилась в огромной любви жителей уральских городов и заводских поселков к этим мелодраматическим песням, Татьяна Николаевна раскрыла их эстетическую привлекательность и доказала безусловное научное значение изучения романса для объективного представления о современной народной песенной культуре.

К сожалению, почти готовая монография осталась недописанной, а диссертация на соискание ученой степени доктора наук незащищенной. Но есть благодарные ученики, есть светлая память о прекрасном, умном человеке. И пока эта память будет жива, Татьяна Николаевна будет с нами.

Коллеги, ученики, друзья

Писать о Тане, Татьяне Николаевне, очень тяжело, почти невозможно. Но не потому, что она была сложным, неоднозначным человеком. Она — легкая, красивая, женственная, всегда готовая к смеху и шутке, знающая все твои проблемы, всегда готовая прийти на помощь. Она была очень хорошим, светлым и ясным человеком. Трудно писать «была»: это не укладывается ни в душе, ни в сердце, ни в сознании. Она — «была», ее уже нет с нами.

После прощания с Татьяной Николаевной весь факультет будто притих в каком-то недоумении и непонимании. Только 16 ноября на ученом совете звучало ее имя: она была награждена почетной грамотой в связи с присвоением «за многолетний безупречный труд» звания «ветерана Уральского государственного университета им. А. М. Горького». 20 ноября ее не стало. Воистину многолетний (тридцать пять лет!) и абсолютно безупречный бескорыстный труд. Всю жизнь читала бесконечно любимый ею курс фольклора, постоянно переделывая, дополняя, углубляя, делая его все более точным и совершенным. Бывая в Москве или Питере, всегда закупала новую литературу, и бесконечные посылки шли в Екатеринбург. Как ребенок радовалась тому, что смогла найти редкую книгу в интернет-магазине, которую уже найти, казалось, невозможно, тотчас выписывала. При абсолютном владении материалом курса могла перед лекцией не спать ночь: как пойдет, прочитается ли, правильно ли ляжет по-новому структурированный сюжет лекции? Тоже было и со спецкурсами: «Нет, на следующий год буду читать иначе».

У многих поколений студентов филологического факультета первая оценка в зачетной книжке — это за предмет «Устное народное творчество», и Татьяна Николаевна всегда помнила, что «начинает», что от ее оценки зависит немало.

Особая любовь Татьяны Николаевны, ее роскошная научная тема — городской романс, над которой работала всю жизнь непрестанно, всегда волнуясь, ибо очень боялась быть неточной. Думается, что студенты чувствовали это неравнодушие, это внутреннее горение, помноженное на высокую ответственность нашей профессии. Они любили ее, а она возилась с ними бесконечно, входила во все проблемы, склонна была хвалить более, нежели строжить. Будучи доброй, но не «добренькой», очень зорко видела возможности всех «прошедших через ее руки» студентов, давала точные и определенные аттестации, хотя, возможно, ценила более человечность и порядочность, нежели способности, что ныне бывает не так уж часто: с «сильными» работать проще и при этом — «ничего личного».

А «ничего личного» — это уже не про Татьяну Николаевну. За ее собственную человечность, естественность, доброту и щедрость (кому она отказала в помощи?) Таню любил факультет. Возможно, были недоброжелатели. Но, во-первых, об этом никто не знал: не в обычае Татьяны Николаевны было создавать «систему врагов», с которой надо бороться (она ни с кем не боролась). Если ее обижали, и обижали намеренно, старалась просто отходить в сторону от этого человека, плакала, переживала, но никогда не унижала себя ситуацией выяснения отношений.

В ней было что-то неуловимо детское, чистое: смородиновые блестящие глаза, какой-то чуть испуганный и невероятно изящный изгиб шеи, чуть поднятые брови, открытый смех. Защищенность беззащитности, сила слабости, детская мудрость прямого взгляда на мир. Она была вхожа на любую кафедру факультета, и не только факультета: постоять, перекинуться словечком, спросить, как дела у детей (знала всех наших детей по именам, знала, сколько им уже лет, в какую школу ходят или в какой вуз поступили!), справиться о здоровье родителей (стариков любила, и они любили ее за щедрость внимания и терпения). На ходу могла дать новый рецепт или припомнить старый. Хозяйкой была блестящей, «старопрежней», на кафедральные праздники приносила собственноручно испеченные блины, а не салатки из ближайшего супермаркета, как говаривала, «нарезанные незнамо какими руками».

У Татьяны Николаевны было природное, какое-то коренное, извечное чувство семьи, родственности, поэтому факультет, который ею был связан ощущением родственной общности, не может смириться с ее уходом: он осиротел.

Перед курсом лечения она мне написала: «Тата! Я хочу жить и буду жить!» Она хотела жить, чтобы любить этот мир, любить и заботиться о своей семье, друзьях, любить свою работу. Все это она умела как никто другой.

Последний раз она говорила со мной по телефону, когда я была в университете: «Ты все еще в универе? Консультируешь? Передавай привет всем». Передаю всем, кому она не договорила, не успела сказать.

Т. Сизирева